

Валериан Маркаров

ТАМ, ЗА СЕМЬЮ ГОРАМИ

Повесть

Придерживая рукой тяжёлую дверь, на которой висела грозная вывеска, способная навести страх на самого отважного смельчака, Геворк переступил порог. Чьи-то пытливые глаза долго изучали его документы и повестку с требованием явиться в Комитет Государственной Безопасности при Совете Министров Грузинской ССР. А потом, охваченный невыносимым напряжением, он медленно брёл по угрюмым коридорам, окрашенным казённой бледно-зелёной краской, пока не вошёл в нужный кабинет с обшитыми дубом стенами и наглухо зашторенными окнами. За большим столом, покрытым зелёным сукном, на фоне обрамлённого в раму портрета «Железного Феликса» сидел обыкновенный человек небольшого роста, в сером костюме и с тёмными кругами под глазами от хронического недосыпания. Он, наградив вошедшего косым и недоверчивым взглядом, предложил сесть и сухо произнёс:

– Итак, товарищ Хачатуров... Геворк Давидович... считаете ли вы себя советским человеком?

Геворк весь сжался и почему-то сразу почувствовал себя преступником, стал тщетно перебирать грехи за всю свою прошлую жизнь, которые хоть как-то могли попасть под юрисдикцию столь всемогущей организации, но ничего не вспомнил. И тут же заверил чекиста, что он, конечно, советский.

– Ну раз так, тогда рассказывайте, – деликатно ответил тот и, потеряв руки от удовольствия, устался на Геворка.

– Что рассказывать? – осторожно спросил он, искренне недоумевая.

– Расскажите откровенно всё, что знаете.

– Я ничего не знаю.

– Ну как же так, уважаемый Геворк Давидович, – наигранно заулыбался хозяин кабинета. – Ну что-то же вы знаете!

– А что именно вас интересует?

– Нас интересует всё. И вам было бы лучше говорить правду...

– Прошу прощения, я вас не понимаю, – произнёс Геворк, мучимый дурными предчувствиями. – Чего вы от меня хотите?

– А какие у вас отношения с иностранцами?

– Какие иностранцы? Я вообще ни одного иностранца не знаю.

– А родственники за границей имеются? – злоехидно спросил чекист.

– Нет.

– Так-так... Получается, гражданин Хачатуров, вы скрываете от советской власти, что имеете близких родственников во Франции...

Геворк съёжился от ледяного холода зрачков.

– Ничего я не скрываю...

Всё происходящее казалось ему бредом. Но хозяину кабинета было не до шуток. Его вопросы звучали так чеканно, что казалось, будто он специально репетировал свою речь, а все вопросы и ответы на них знал заранее.

– И вы даже не знаете, кто такой Арман Парсеваль? – спросил чекист, настойчиво давая понять, что его жертва давно уже попала в искусно расставленные ловушки, что запирательства её бесполезны, сколько веревочке ни виться – всё тайное станет явным.

– Понятия не имею, – ответил Геворк совершенно чисто-сердечно.

– Арман Парсеваль, он же – Арменак Петросян. Разве вам не знаком человек с таким именем?

От неожиданности Геворк вздрогнул, лицо его вытянулось, а рот приоткрылся. Арменак Петросян был родным братом его матери, Марьям Хачатуровой, урождённой Петросян. Но он без вести пропал на фронтах Великой Отечественной...

– Хм... Стало быть, говорите, пропал без вести, – повторил чекист. – А кто знает, что там было на самом деле. Может, дядька ваш дезертировал с поля боя, добровольно бросив оружие, или стал предателем, изменником Родины, убив своего командира и перейдя на сторону врага? Вы уверены, что всё было не так?

– Мой дядя был честным и глубоко порядочным человеком. Это правда! – твёрдым голосом ответил Геворк. – Моя бедная мать, которая умерла прошлой осенью, до самого последнего

дня своей жизни не теряла надежды разыскать единственного брата, наотрез отказываясь слушать тех, кто говорил ей, что прошло уже достаточно времени, чтоб обо всём забыть... Но, понимаете, долгие годы поисков и запросов в архивы не дали результатов. Как легко потерять прошлое и как тяжело искать правду, говорила моя мать...

– Так вы думаете, он погиб?

– Судя по всему, он пал смертью храбрых, отдав свою жизнь за Родину. Нет только могилы, куда можно пойти, поставить свечку и вылить чарку вина...

Уполномоченный глянул на Геворка исподлобья, сунул руку в карман и, бросив взгляд на извлечённые оттуда часы, недоуменно почесал в затылке. Потом он спрятал папку в сейф и сообщил, что их беседа закончена.

Геворк вернулся домой с сильной головной болью. Приняв таблетку анальгина, он лёг, но до самого рассвета так и не сомкнул глаз, беспокойно ворочаясь во тьме с боку на бок и прокручивая в голове события дня. Будоражающий душу поток рассуждений взял верх над усталостью. Он так и не понял, с какой целью чекист спрашивал у него о дяде. Противоречивые мысли, одна другой нелепей, лезли в голову, переплётались друг с другом в некие метаморфозы и визуальные образы, то растворялись, то появлялись вновь, не давая ни минуты покоя, и он не заметил, как внезапно очутился в тех закоулках памяти, где жили обрывки воспоминаний его матери о событиях давно минувших времён...

* * *

Зима в Тароне¹ выдалась самой суровой за последнюю тысячу лет. Навалило много снега, он занёс горные тропы, и жители долины оказались отрезанными от всего остального мира. Ясная морозная ночь так сковала землю, что она звенела под ногами. Птицы и дикие звери забились в норы и притаились, поедая свои скудные запасы в ожидании весны. Реки задёрнулись ледяным покровом, лишь стоя возле них, можно было слышать глухой голос текучих вод, – он то журчал грустно и уныло, то вдруг умолкал понемногу, немел, застывал. Встревоженные люди каждое утро первым делом обращали свои взоры на окрестности: не тает ли снег, не тем-

¹ Тарон – гавар и одновременно историческая область Великой Армении, к западу от озера Ван. Главный город – Муш.

неют ли луга? Но толстый слой снега лежал неподвижно, искрился под лучами холодного, негреющего солнца и упорно не хотел таять.

В такой лютый день, лишь только свет отделился от тьмы и восток зарделся гордой зарёй, люди просыпались, вставали, умывались, говорили друг другу «бари аравот»², и отправлялись каждый по своим делам. А старики, расчёсывая на ходу бороды, не спеша выходили из домов и, бормоча под нос «Хайр мер»³ и издали друг с другом здороваясь, тесной гурьбой подходили к церкви, чьи своды в течение столетий слышали пение ревностной паствы: здесь вершились богослужения, венчали новобрачных, крестили в купели детей, отпевали покойников... Люди приходили так рано, что и епископа ещё в храме не было; говорили звонарю, чтоб ударил в колокол, и звон колоколов поплыл над городом и долиной, рассветный ветер подхватил его и унёс далеко в горы. Старики же, отведав несколько земных поклонов, начинали судачить о семейных делах и, как заведено, жаловаться на трудные времена, пока наконец не являлся священник. Зажигали свечи, лампы, – где не было масла – пономарь подливал. Священник с дьячком служили, люди крестились, становились на колени, присаживались, а горбоносый пономарь со сросшимися у переносицы бровями и грустными глазами то подрезал свечной фитиль, то затеплял лампаду или же, потирая лысину и позёвывая широко, сновал взад и вперёд по храму, либо заправлял кадило или хлопал по голове юродивого, чтоб смиренно стоял, не поднимал шума и не перебегал с места на место. Время от времени он доставал из кармана табакерку, встряхивал, сначала нюхал сам, чихал, крестился или же проклинал дьявола, потом, в знак уважения, угощал кое-кого из знатных горожан, степенно отходил и снова важно, чинно возвращался на своё место.

Молодняка на службе не было. Иное нынче подрастающее племя! Старших не уважают, не ценят ни веры святой, ни могущества церкви божией, ни молитвы прилежной. Не соблюдают обычаи, коими всегда отличался их народ. Глядишь, скоро и вовсе позабудут, как креститься надо: к груди ли сперва приложить руку или ко лбу, справа налево или слева направо. Вот за то Господь, столько благ сотворивший, на людей и гне-

² «Бари аравот» (арм.) – *Доброе утро!*

³ «Хайр мер» (арм.) – *молитва «Отче наш»*

вається, оттого и посылает им беспрестанные испытания. Вот и сейчас – звали старики юнцов кареглазых с собой в божий храм, а они слова мимо ушей пропускали и, ещё не совсем страхнув с себя сон, шли в хлев задать сена скотине и коням, убрать под ними, а потом свести на водопой, почистить лошадей скребницей да привести с песнями обратно в конюшню. Милые девицы-незамужницы, расчесав себе волосы, рядились в полотняные сорочки, легко и проворно орошали невинные личика водицей, и вот уже одна пол дощатый в доме метёт, другая заснеженный двор убирает, а третья, положив на стройный стан кувшин с заткнутым горлышком, идёт за водой родниковой.

Тигран был единственным сыном уважаемой в Муше семьи Петросян. Отменный рост его, тёмные очи, высокое чело и буйные кудри всякого сводили с ума. Многие матери мечтали взять его в зятя и окружить заботой. Молодые девушки, услышав голос или одно даже имя его, готовы были душу ему отдать. Его одного видели во сне и просыпались, вздыхая от любви к нему.

Тигран знал от отца, что могущество его народа – в семье.

– Силён тот народ, – любил говаривать старый Мушег, – который имеет крепкие семьи, живущие мирно и в добродетели.

Да и мать всё твердила, что ему нужна жена, а ей – помощница, ведь немолода она уже:

– Матери не вечны, женись, цавт танем⁴. Я и невесту тебе присмотрела.

– И кто она, майрик-джан⁵? Красивая хоть?

– Пусть даже будет некрасивой, лишь бы хорошей женой была, чтоб родила и воспитала тебе честных и достойных детей.

Но сперва надобно было построить дом, старый совсем обветшал и потрескался. Сначала отец с сыном вырыли маран для вина и вмазали в пол глиняный очаг – «тонир»⁶, чтобы внутри дома тепло было, добротные стены «глхатуна»⁷ возве-

⁴ «Цавт танем» (арм.) – дословно: «возьму твою боль на себя», в переносном смысле означает «разделю твою боль и горе».

⁵ Майрик (арм.) – мама. Синонимами «Джан» являются обороты «жизнь моя», «душа моя», или слова «милый»/«милая», «дорогой»/«дорогая» – в зависимости от того, к кому обращаются.

⁶ Тонир (арм.) – глубокая круглая яма в земле, стены которой выложены камнем. В тонире пекли лаваш, варили, жарили и тушили пищу.

⁷ Глхатун (арм.) – традиционное армянское национальное жилище, распространённое вплоть до XIX века.

ли из дикого камня, крепкими досками устлали полы двух комнат, выходящих окнами в ущелье. А за окнами разбили сад. Потом пристроили амбар с отделениями для зерна и муки, а также кухню, на стены которой повесили соструганные вручную полки с глиняной и медной посудой. Поставили крышу с дымоходом на деревянных столбах. А позже, перед домом соорудили большую веранду, откуда, если сидеть за столом, была видна узкая змейка реки на дне ущелья.

Говорят, каждый получает от Господа по мере того добра, которое он сделал в жизни. Вот и жена досталась Тиграну чудесной и понятливой: Анаит была стройной, как чинара, с белым лицом, густыми длинными волосами и большими глазами под тоненькими, словно нарисованными, бровями – редко когда в девушке так сочетаются красота и ум. Часто вспоминала она, как мать Тиграна, Србуи, упокой Господь её душу, оставаясь верной заповедям предков, идущих от самого Айка Наапета⁸, в один из дней облачилась в длинный тараз и, обмотав талию шёлковым шарфом, пришла на её смотрины, предварительно посоветовавшись со своим родным братом.

– Иду я нынче смотреть не только на Анаит, чтоб узнать, чьих она кровей, но и на её мать. Сначала надо обязательно увидеть, какая у неё мать, – сказала Србуи сыну на пороге дома. Сказала и, чтобы обеспечить успех переговоров, повесила на столб своего дома большой деревянный шереп, которым разливала апур. А потом, взяв с собой сватов из числа близких родственников, явились они в дом к родителям Анаит со словами: «Мы пришли взять из вашего дома горсть золы, чтобы смешать её с золой нашего очага; пришли, чтобы от вашего светильника зажечь наш светильник; пришли, чтобы ваш камень заложить в нашу стену; чтобы зачерпнуть горсть воды из вашей реки в нашу реку». Ответом им было, что надо подумать, посоветоваться с роднёй. Поэтому Србуи пришлось пойти туда во второй раз, прихватив с собой бутыл абрикосовой водки, сочные яблоки с воткнутыми в них монетами, несколько крупных ярко-красных как вечерняя заря гранатов, янтарного кишмиша и конфет, и только тогда отец девушки объявил о своей согласии, молвив: «Не будем спорить. Платок пусть будет ваш. Пусть наша горлица летит в ваш сад». Проворная мать Анаит накрыла стол, и они скрепили слово, преломив хлеб и распив по стакану принесённой

⁸ Айк Наапет – легендарный прародитель армянского народа.

сватами водки. Дальше устроили «ахчиктэс»⁹. Перво-наперво попросила будущая скесур¹⁰ у Анаит стакан воды, во все глаза следя за манерами девушки. Вслед за этим наблюдала, умеет ли она вдевать нитку в иголку, и спрашивала что-то очень тихим голосом – слух у молодой проверяла. Оставшись довольной смотринами, она поцеловала щеку девушки и положила ей на ладонь золотую монету в знак одобрения.

Со временем устроили пышное обручение, угощали гостей мясом, вином и сухофруктами со сладкой гатой. Арсаник¹¹ справили осенью, когда были закончены полевые работы и закрома тантикин¹² Србуи были полны всяческого добра, а карасы¹³ пенились молодым вином. Чтобы не допустить похищения невесты турками или курдами, двадцать пять мужественных «макаров» сопровождали Тиграна и его близкую родню до дома Анаит.

С громкой музыкой, шумным весельем и танцами во дворе женщины из родни жениха преподнесли подносы с подарками невесте: в одном находился свадебный наряд, в другом подарки отцу и матери, а в третьем – напитки, фрукты и сладости. Вскоре эти подносы будут наполнены подарками и уйдут обратно матери жениха. Под печальные звуки зурны красочно одетые подружки невесты в присутствии каворкин¹⁴ одевали Анаит в окаймлённый золотой тесьмой красный тараз с вышивкой и опоясывали серебряным поясом с узорами, а лицо её закрыли вуалью. Вот один из музыкантов, присев на табурет и подперев свой инструмент к левой ноге, взял смычок в правую руку, слегка прижал его к струнам и... меланхолично запела четырёхструнная кяманча, ритмично застучал дол, дружно вступили звонкий саз, протяжная зурна и голосистый дудук, окунув собравшихся в свои чарующие звуки. Группа мужчин и женщин танцевали «кочари», то держась за руки и двигаясь по кругу сомкнутым рядом, то плавно всплёскивая руки в небо. Когда женщины отошли, мужчины, образовав круг, пустились в «шалахо». Родня жениха ликовала, ведь они за-

⁹ «Ахчиктэс» (арм.) – смотрины невесты.

¹⁰ Скесур (арм.) – свекровь.

¹¹ Арсаник (арм.) – свадьба.

¹² Тантикин (арм.) – старшая в доме женщина, пользовавшаяся большим авторитетом в семье. Обычно это жена главы семьи, тантера.

¹³ Карас (арм.) – крупный глиняный горшок эллипсоидной формы объёмом от 400 до 1000 литров, используемый в Закавказье для изготовления и хранения вина.

¹⁴ Кавор (арм.) – крёстный в семье жениха. Каворкин – жена кавора.

получили такую прекрасную девушку. Другая сторона немного грустила, особенно мать невесты, она не танцевала, а печалилась, что её дитя, чистое и непорочное, улетает из отчего дома. Звучали мелодии, поднимались тосты за родителей, за кавора, за молодых... Арснакуйр, незамужняя подруга невесты, не пила и не ела, в течение всей свадьбы она в оба глаза «охраняла» невесту, зорко следя, чтобы никакая злая женщина не вознамерилась вшить ей нитку в подол. И отпустила её от себя лишь один раз для исполнения «узундара» – танца невесты. Словно лебедь по глади пруда, очаровывая гостей своей грацией и целомудрием, медленно, легко и плавно ходила Анаит по кругу, вытянув спину и стыдливо опустив мокрые глаза: когда играет «узундара», ни одна невеста не может удержаться от слёз, видя грусть своих родителей. Потом она целовала руку отцу и матери, благодаря их за всё и навсегда прощаясь с родительским домом.

Анаит шла замуж по доброй воле. Тигран нравился ей, и не одну ночь провела она, вздыхая по нём, не раз вставал перед нею его мужественный образ. И всё же сегодня, когда пришло время проститься с девичеством и стать женщиной, сердце её сжималось какой-то смутной жалостью к себе самой и трудно ей было расстаться со своим прошлым. А прошлое своё она помнила хорошо: её всегда и всюду баловали, нежили, теперь же, кто знает, что ждёт её в будущем?

У ворот дома Тиграна свадебную процессию встречала свекровь в окружении родни, стоявшей в тени абрикосового дерева.

– Да благословит вас Господь, и да не разлучит вас человек, – громко провозгласила танткин Србуи, соединив руки Тиграна и Анаит.

На пороге она положила глиняную тарелку, которую невестка должна была разбить на счастье ударом ноги, затем накрыла плечи новобрачных лавашем – чтобы дом был полная чаша, и дала отведать жениху и невесте по ложке мёда, чтобы жизнь их была бы такой же сладкой, как божественный нектар. Их осыпали лепестками роз, сладкими сухофруктами, янтарным изюмом, орехами и монетами. Три дня не было никому покоя. Вино текло в глотки, весело бляела зурна, выбивали ритм барабаны, и снова молодёжь балагурила, смеялась, старики беседовали о грядущих судьбах Армении и ели хоровац, зажаренный в тонире, плов, ароматную хашламу,

наслаждались гатой и пахлавой, кричали «туш» после каждого тоста и перешёптывались, гадая меж собой, какая постель, ковёр, хурджин¹⁵, посуда и одежда находятся в большом сундуке с приданым. А на колени Анаит посадили маленького мальчика из рода жениха, чтобы первенцем у молодых был сын, такой же красивый и здоровый.

Вступив с женихом в новый дом, Анаит первым делом поцеловала тонир в знак того, что отныне становится она хранительницей очага... Вскоре она позабыла о правилах своей семьи и начала жить по новым: стала послушной женой и спокойной невесткой. На первых порах пряталась от всех за занавесом, там же и обедала, выходя оттуда только по приглашению, молчала, и, как положено, не смотрела в глаза мужу и свёкру. Лишь спустя три месяца, преподнеся по требованию свёкра воду, она получила от него разрешение на «голос».

Мужчины семьи – отец и сын – возделывали собственный виноградник на склоне долины, ухаживали за ним как за ребёнком. поливали прозрачной родниковой водой, вскапывали, удобряли, и виноград потихоньку, под весёлое щебетанье птиц, тянулся к лазурным небесам, где величественно парили гордые орлы, и набирался сил. Платя труженикам стократную дань за их трудолюбие, пролитый пот и веру в своё предназначение – жить на замшелых камнях, разбросанных повсюду, земля давала корням винограда подпитку, а сияющее светило дарило тепло. Гроздья за лето успевали налиться сладким ароматным соком. Всякий раз, окидывая вьющиеся лозы своими глубокими как колодец глазами и вдыхая запах цветущего винограда, старый Мушег вспоминал библейскую историю о Ноевом ковчеге. Когда по воле Господа ковчег причалил к серебристым вершинам Араратских гор и праведник почувствовал под ногами земную твердь, он первым делом опустился на колени и вытащил из-за пазухи небольшой росток. Этим чудным ростком была виноградная лоза, привезённая из райского сада.

Во дворе их дома раскинулся большой фруктовый сад с инжиром, яблонями, старой шелковицей, гигантской орешинной и дикими абрикосовыми деревьями с наклонившимися до земли от созревших плодов цирана тяжёлыми ветвями. Полупрозрачными абрикосами, наполненными солнцем и ветрами

¹⁵ *Хурджин – традиционная восточная сумка, сотканная ковровой техникой из разноцветных шерстяных волокон.*

Араратской долины, домочадцы щедро делились с соседской детворой.

– Пусть кушают на здоровье, – говорил старый Мушег, – и живут долгой и счастливой жизнью.

И сладкий, липкий сок струился по гладким подбородкам, наполняя детскую душу блаженством. Нет, нигде больше не было такого сада и таких сказочно ярких абрикосов, как у их семьи! Из древесины дикого цирана Мушег вырезал дудук и играл на нём. Никто во всем Муше не превзошёл великого варпета¹⁶ в его мастерстве. Да разве только в том чудесном живописном крае знали его? Ни одно важное событие не проходило без звуков этого уникального инструмента, называемого «циранапох», или «душа абрикосового дерева». Через все сёла и деревеньки Армении слава о нём передавалась из уст в уста. А сам он чувствовал себя едва ли не Богом, потому что мог повелевать людьми, вызывать то слезы, то улыбки, сеять печаль в душах и лечить её расцветающей от звучания его дудука любовью. Он знал самые потаённые секреты этого тонкого дела, которые когда-то принял от отца, деда и прадеда, оставляя в каждом рождённом им инструменте своё дыхание, своё изношенное сердце, ветхие думы о ранах Армении и возвышенные мечты. И с благоговением передавал все премудрости своему сыну.

– Ты продолжишь дело, которым занимаются все мужчины в нашем роду, – сказал он однажды Тиграну. – И займёшь моё место, когда я покину этот мир.

На плечах тантикин Србуи лежали все женские работы – она следила за чистотой и порядком в доме, ключи от марана, а также от кладовой всегда лежали в её кармане, без её разрешения никто не мог ничего взять. Она вставала на рассвете раньше всех и шла в хлев. Оттуда пахло навозом и соломой, слышалось кудахтанье кур и писк цыплят. Там тантикин доила корову, отгоняя локтем телёнка, который непрерывно тыкал мордой в вымя. На парном молоке она заквашивала мацун, готовила домашний панир¹⁷, сбивала масло из жирных сливок, пекла лаваш и варила апур¹⁸. В доме всегда вкусно пахло свежеспеченными на садже лепёшками «женгялов хац» с разносортём диких и огородных трав, и тающей во рту бараньей

¹⁶ *Варпет (арм.) – мастер.*

¹⁷ *Панир (арм.) – свежий сыр.*

¹⁸ *Апур (арм.) – армянский суп.*

толмой из молодых виноградных листьев и соусом из мацуна и чеснока.

Любя молодую невестку, танткин обучала её всему, что умела и знала, не позволяла мыть ей ноги – берегла её, забеременевшую в первый же месяц, и во всём ей угождала, особенно в еде, чтобы ребёнок родился здоровым. Анаит платила тем же – почитала свою свекровь, как родную мать. Ожидая прибавления, семья надеялась на рождение мальчика, а как же иначе, ведь счастье при рождении дочери было бы неполным: придёт время, она выйдет замуж и уйдёт в другую семью. А сын – совсем другое дело – он наследник и продолжатель их рода, их гордость, свершение их надежд и их бессмертие... Тигран очень любил жену, на руках носил, говорят даже, перед сном не только мылся, но и брился, чтобы не причинять ей неудобств.

Миновала угрюмая, холодная зима, унесла с собой свинцовые туманы, кутавшие в одежды скорби ущелья и горные вершины Тарона. Земля согрелась, растения ожили, трава почувствовала прилив соков, приподнялась, призвала на помощь солнце. Воздух оглашался пением и щебетом птиц, перекликающихся между собою, призывающих друг друга к радости, к жизни.

Время рожать пришлось на дождливый вечер в канун великого праздника Благовещения. В пустой комнате горела вишечная керосиновая лампа. Поняв, что время пришло, танткин выгнала мужчин из дома, оставшись наедине с невесткой и пожилой женщиной, известной на всю округу ведуньей и повитухой Сирануш, которая собирала в горах лишь ей известные травы, варила настои, лечила от всех болезней, принимала роды, предсказывала судьбу. Для защиты от злых духов, которые в это время всегда угрожают роженице, Сирануш распахнула в доме все двери, окна, сняла крышки с посуды, развязала всевозможные узлы и пояса, расстегнула одежду. У ног страдающей от схваток Анаит женщина разбила яйцо, а под подушку ей положила острые обереги от нечистой силы – кинжал и веретено.

– Ещё немного и всё закончится, – протирая лоб роженице мокрым полотенцем, шептала ей на ухо танткин, не отходя от неё ни на шаг.

Рядом суетливо хлопотала повитуха, заставляя Анаит тушиться, и, поддерживая её под руки, надавливала на боль-

шой живот. Вдруг молодая женщина резко закричала, её крик сменился пронзительным криком новорождённого. Это была сморщенная черноволосая девочка. Приняв дитя со словами «ачкед луйс»¹⁹, повитуха обмыла его в солёной воде, оберегавшей от дурного глаза и порчи, и запеленала.

В ушах Анаит звучал голос свекрови:

– Аствац джан²⁰, благодарю тебя!

Србуи взволнованно крестилась, сложив воедино три пальца правой руки и приложив их ко лбу, верхней части живота, левого плеча, затем правого, произнося при этом: «Во имя Отца, и Сына, и Духа Святого. Аминь».

За окнами уже давно бушевала гроза с огненно-красными молниями и ударами грома, от которого дрожали горы и лес. А ветер ревел как вишап²¹ и завывал на тысячу жалобных голосов в глубине ущелья.

– Тяжёлая будет судьба у девочки, – отчего-то молвила повитуха. – Это на лбу у неё написано...

– Ты не болтай попусту языком, Сирануш, – сердито обрвала её Србуи, взглянув исподлобья. – Сделала своё дело и ступай домой. А Бог не оставит нашу Марьям, Бог не оставит всех нас.

– Так ты не хочешь назвать её Бавакан²², тикин²³ Србуи?

– Нет, я назову её Марьям, в честь Пресвятой Богородицы – Заступницы нашей.

Она бережно взяла на руки маленький сверток и глянула на торчащую оттуда крошечную головку:

– Ты так похожа на своего отца. С рождением тебя, бала джан²⁴! Пожалуй в эту жизнь...

Среди рёва и воя урагана, среди ударов грома вдруг послышались весёлые звуки. Это отец с сыном, счастливые, радостно надувая щеки, играли на своих чудных дудуках под окном.

Србуи выглянула в окно и подала им знак. Ей не нужно было повторять дважды: Тигран первым вбежал в комнату. Анаит лежала на кровати измождённая и бледная. Муж подошёл к ней и нежно погладил по волосам, которые разметались

¹⁹ «Ачкед луйс» (арм.) – дословно: «свет твоим глазам».

²⁰ Аствац джан (арм.) – Боже!

²¹ Вишапы – драконы в армянской мифологии.

²² Бавакан – женское имя, в пер. с арм. означает «достаточно», т. е. хватит нам девочек.

²³ Тикин (арм.) – госпожа.

²⁴ «Бала джан» – «родной, душа моя», обращение к ребёнку.

по подушкам. Анаит открыла глаза и слабым голосом произнесла:

– Прости, что я огорчила всех вас рождением дочери. Вы так хотели сына. Я не исполнила вашу мечту.

Слеза потекла по её щеке.

– Не плачь, любовь моя. Я очень рад, что ты подарила мне дочь, – ласково ответил Тигран и взял маленький комочек на руки. – Она очень похожа на тебя – такая же красавица. А теперь отдыхай. У нас ещё будет много счастливых дней, мернем кез²⁵, и ты обязательно родишь мне наследника.

После ухода мужа Анаит уснула глубоким спокойным сном. А через полчаса из-за туч выплыл месяц и заблестел, как новая монета. Ночной ветер, слабая, шелестел по испуганному лесу и осушал слёзы дождя на тёмных кустах. И время от времени ещё слышалась тихая, неторопливая музыка дудука, отправляя свой упоительный мотив в горную мглу: в нем слышался и звон ручейка, и шум мощной реки, и пение птиц, и все звуки на свете...

Весь город поздравлял семью с такой радостью, неся подарки для молодой матери и ребёнка. Тантикин Србуи бегом собирала на стол, чтобы достойно встретить каждого. Гость в их доме был от Бога, христианин он или мусульманин. Бог – он един для всех. А что простому армянину нужно? Лишь доброе слово и честный взгляд соседа. Больше ничего ему и не нужно – всё остальное он своими руками сделает.

На восьмой день после рождения Марьям устроили крестины. Близкие родственницы приносили в дом плов, печенье, фрукты. Когда священник вместе с кавором вошли в дом, все уже ждали их: вода в большом котле была подогрета, а посередине комнаты стояло деревянное корыто, которое стало сегодня купелью. Священник, усердно молясь, трижды погружал ребёнка в купель с освященной водой, после чего мазал тело новокрещённой святым мироном, как когда-то Святой Григор Лусаворич крестил армянский народ в водах реки Арацани, укрепляя его духом и благодатью Божьей на веки вечные. Несколько дней люди гуляли, пили, ели. Сколько чёрных овец тогда зарезал счастливый отец, никто не считал. Каждый день он приносил горные цветы и, украшая ими голову своей любимой, спрашивал себя, есть ли в этом мире ещё какая-нибудь женщина, так похожая на Богоматерь, как его Анаит.

²⁵ «Мернем кез» (арм.) – дословно означает «умру за тебя».

А Анаит плавала в волнах материнского восторга. Она беспрестанно ласкала и покрывала поцелуями пухлое розовое тельце Марьям, источавшее чудный аромат, который присущ только детям. Спустя время из их дома уже доносился детский смех, рассыпавшийся подобно жемчужному каскаду, дивными серебристыми нотами.

Когда у Марьям появился первый зубик, устроили торжество с приглашением кавора и близких родственников. Посадив ребёнка на пол, накрыли ему голову скатертью и посыпали сверху «кчехаш» – варёную пшеницу с изюмом, а затем перед ним положили нож и гребень и стали ждать, к чему потянется ребёнок: если он возьмёт нож, это означало, что следующим у него родится брат, а если гребень – то сестра. Недолго думая, маленькая Марьям выбрала нож. Вслед за этим у неё впервые срезали ногти и несколько локонов, и тантикин Србуи надёжно спрятала их в щель дома, чтобы не дай бог они не попали на землю, иначе ребёнок мог захворать или даже лишиться своей жизненной силы.

Дочь росла на загляденье живой и весёлой. По утрам она забиралась на волосатую грудь отца и весело щебетала, а Тигран делал страшные глаза, и она, восторженно визжа, убегала в соседнюю комнату, подглядывала лукаво из-за дверного косяка за отцом и весело хохотала. А сердце его так переполнялось ранее неизвестным теплом, что он и позабыл, что у армянских мужчин не принято проявлять любовь к своим детям на глазах у людей. Чтобы порадовать дочь, Тигран вытачивал для неё кукол из обрубков абрикосового дерева. Вот было счастье для маленькой Марьям! Она называла кукол своими дочками и таскала их с собой повсюду, напевая им песенки, кормила густой арисой, даже во сне не расставалась с ними, беря в кроватку.

Эх, сколько застолий помнила их веранда, увитая виноградом! Правда, больше печальных. Потому что следом за Марьям Анаит родила и потеряла сына. А следующего – не донесла, выкинула на позднем сроке. Для семьи весь мир будто стал чёрно-белым. Анаит истерично плакала, глаза её опустели, сердце как окаменело. По-прежнему готовила, убирала, заботилась, но... без любви, а потому что надо. А Тигран, большой, сильный, словно согнулся.

– Господи, за что ты отнял моих детей? – мрачно вопрошал он. – Чем же они успели пред тобой провиниться? Чем успели

нагрешить? И после этого говорят, будто ты добр?! Ведь сказано – ни один волос не упадёт без твоего желания! Нет, Господи, нет! Не жди теперь от меня молитв. Теперь нам не по пути!

Казалось, он был готов изгнать Бога из своей души, если бы не отец. Когда солнце коснулось кромки гор и в их саду уже густели синие сумерки, старый Мушег снял с плеча хурджин, достал из него бутылку водки и два стакана, лаваш, завернутый в чистую тряпку, немного зелени и кусок бараньего сыра. Разлил водку по стаканам и приказал сыну пить. И сам выпил молча. И сказал, что коли нет в душе человека Бога – его место занимает дьявол. Потом достал из хурджина свой дудук, его пальцы зашевелились на трубке, звуки плавно перетекали один в другой, но не спешили, аплыли, грустные, плавные, мелодичные, порой прерываемые грустной песней чабанов и бляением молодого барашка...

Через год, в те яркие майские дни, когда весна царила в своей буйной стихии, когда расцвели молодые абрикосовые деревья в их саду, у Тиграна и Анаит родился долгожданный мальчик.

– Смотрите! Видите? У него родинка на лбу, как у моего Тиграна! Наша порода! – ликовала Србуи, наклонясь и с умилением глядя на ребёнка. – Бала джан, умереть мне за твою родинку...

Радости в доме было немерено, ведь сын в семье – это главная стена, на которую опирается крыша. Но Арменак появился на свет прежде времени и оказался слабым. Всем становилось ясно, что не жилец он на этом свете. Не хотела Анаит к нему привязываться. Не могла больше вынести потери. Даже от груди хотела отлучить. Но Тигран не дал, сразу полюбив наследника какой-то звериной, яростной любовью, и обвинял Анаит, что она недостаточно его любит. А Арменак глядел на мать большими печальными глазами, как будто прощаясь с ней каждый день. Опасаясь, что он не выживет, тантикин Србуи торопила окрестить его. Даже к Сирануш за помощью обратилась и та поила младенца своими горными травами. Три дня и три ночи не отходила от него старая знахарка. И, наконец, сказала:

– Не трогайте его, пусть лежит. Всё, что в моих силах было, я сделала. А там уж, как Господь Бог пожелает.

То ли всеильные материнские слезы двигали милосердием Господа, то ли помогли чудесные снадобья старой ведуньи, но однажды произошло чудо.

– Выжил! Выжил! – радостно закричала Сирануш, осматривая ребёнка. – Мёртвые звали его, но он не пошёл за ними...

Не прошло и года, как в их дом постучало новое горе. Занемог старый Мушег. Дудук, который он резал из древесины абрикосового дерева и в который дул, набрав в грудь побольше воздуха, прикрыв глаза и покачиваясь в такт музыки, был, как и прежде, лучшим во всей округе, душа от его звуков взлетала и парила высоко-высоко над горами и цветущими садами в лучах солнца. Но сам он, когда-то коренастый, крепкий и сильный, как вол, теперь постарел и согнулся, ходил с трудом, стал совсем молчаливым – бывало, за весь день слова не услышишь. А потом и вовсе захирел и слёг, кашлял и дрожал от озноба в своей тёплой постели на тахте. Србуи и Анаит поили его горячим отваром, чтобы прогнать лихорадку, кормили хашем, и с горечью наблюдали за тем, как судорожно поднимается и опадает его слабая грудь. Взор его тихо скользил по комнате, из огромных глаз на землисто-сером, с запавшими щеками лице медленно катились холодные слёзы. Он понимал, что и его время пришло, ведь вокруг давно уже постарели и ушли почти все его ровесники – один за другим. Не спрячешься никуда от судьбы, ничем не сотрёшь свой тчакатагир²⁶, начертанный на лбу в момент рождения, и совсем скоро наступит тот день, когда явится к нему ангел смерти и заберёт его душу на небо. А сам он уйдёт в ту же землю, из которой вышел. Он задремал. Прошло несколько часов. Вдруг он открыл глаза и слабо сжал руку жены.

– Прости меня, Србуи джан, – расслышала она. – Я много горя причинил тебе... Но ведь ты знаешь, как я всегда любил тебя...

Бедная Србуи, покоровшись судьбе, не отходила от мужа ни на шаг, ловила каждый его взгляд, прислушивалась к каждому его вздоху и темнела на глазах. Только в молитве находила она отраду и черпала в ней силу для тех мучительных дней, для тех бессонных ночей.

Сплошная пелена густого тумана окутала Тарон. Похоже, опять богиня Астхик спустилась с горы Гргур, чтобы искупаться в священной реке Арацани. А чтобы жители не увидели

²⁶ Тчакатагир (арм.) – судьба, (букв.: надпись на лбу).

её притягательную наготу, напустила на город непроницаемую мглу. Сквозь туман тускло мерцали звёзды, рассыпанные по небосклону, и слабо пробивался свет луны, придавая деревьям сада какие-то причудливые очертания. В тот час вспыхнула в Србуи вся её любовь к Мушегу, та любовь, которой она отдала всю жизнь с первых дней своего раннего замужества. И в сверкающем пламени свечи встретила она благодарный взгляд мужа и сумела прочитать последние мысли в угасающих глазах. Она тихо встала и принесла его любимый дудук, с которым он хотел попрощаться. Старый Мушег поцеловал его, прижал к груди и навеки закрыл глаза. Крик вылетел изо рта Србуи, долетел до небес и вернулся обратно на землю. Никто не смел подойти и потревожить её. Наконец она встала с колен, перекрестила и поцеловала усопшего, а потом твёрдым голосом стала отдавать распоряжения сыну и невестке. Но стоило только взглянуть на её преобразившееся лицо – и становилась ясна глубина её безысходного горя.

Весть о смерти варпета быстро разнеслась по всему Тарону. По ведущей к их дому дороге потянулась вереница мужчин с печальными лицами и плачущих женщин. Мимо каменной крепости с башнями, где располагался турецкий гарнизон, мимо купольных церквей Сурб Киракоса, Сурб Саргиса, Сурб Пркича, Сурб Марине и Сурб Арутюна, мимо мечети с высокими минаретами, переделанной из церкви, под колокольный перезвон монастырей Мшо Аракелоц, Сурб Карапет, Сурб Ованес, в дом покойного шли и шли люди, чтобы утешить родных добрым словом и посетовать на большое горе, которое выпало всем им, потерявшим такого человека. Армяне несли с собой сахар и водку, приговаривая «Аствац твэц – Аствац верцрэц»²⁷, местные курды подносили мыло и шерстяные носки, а добродушные соседи-турки, Али и Джамиля, подарили отрез белой ткани и большой кусок сладкой халвы.

– Смерть – это воля Всевышнего, – тихо сказал Али, поклонившись Србуи, и качнулась чёрная косичка на его красной войлочной феске. – Прими её со смирением, джаным. Хороший был у тебя муж, с чистым сердцем и праведными поступками. Жаль, что он не был мусульманином. Аллах был бы рад иметь такого сына, как уста Мушег.

Когда пальцы Али перебирали бусины янтарных чёток, Джамиля что-то незаметно шепнула ему на ухо.

²⁷ «Аствац твэц – Аствац верцрэц» (арм.) – букв.: «Бог дал – Бог взял».

– Да-да, – кивнул Али, согласившись с женой, что сказал лишнее. – Хорошим был человеком уста Мушег, сестра. Да пребудет он на небесах, – и он поднял свою руку и медленно, торжественно приложил в знак приветствия к сердцу, губам и лбу. Потом он подошёл в Тиграну и сказал:

– Рано покинул нас твой славный отец. Но ты – его достойный сын – будешь для меня живым напоминанием, воссоздающим его образ.

Али часто бывал в хлебосольном доме Мушега, вместе с которым он вырос, иногда они даже попивали. Турки вина не пьют, это запрещено Кораном, но насчёт водки там ничего не сказано, – стало быть, её можно пить, не нарушая заповедей Магомета. А дружбу свою мужчины хранили втайне из боязни навлечь на себя гнев. Разве мог он говорить открыто, что его сосед-армянин – честный, хороший человек, что ему приятно бывать у него в гостях, поговорить с ним по душам, – когда каждый день на базаре, в духанах и в мечетях младотурки и муллы вдалбливают в голову, что армяне – самые худшие из всех гяуров, что все беды правоверных – бедность, болезни и даже неурожаи – исходят от армян. Муллы требуют истребления их всех, утверждая, что тогда на благословенную страну великого султана спустится благодать аллаха. Нет, трудно турку открыто дружить с армянином, пусть он в душе и не верит словам муллы.

Бренное тело Мушега обмыл и одел старый обмывальщик Карапет. Он ходил вокруг покойного и разговаривал с ним, как с живым: «Ты, Мушег-джан, на меня не обижайся, я твой друг. Я тебе больно не сделаю». В завершение он вложил в скрещенные, жёлтые, как пергамент руки Мушега его звонкий дудук, рядом зажгёт лампаду, чтобы осветить душе варпета путь на небеса, а за услуги свои получил в дар одежду покойного. Похоже, Мушег был доволен. Старый и хрупкий, он неподвижно лежал в центре комнаты, во всём новом и чистом, с куском хлеба на груди, и, казалось, грустно улыбался, жалея оставшихся на этом свете. В комнате было зажжено несколько свечей и тлела лампада перед иконой. Священник смотрел на неё чёрными глазами, будто пытаясь выведать последнюю правду, и шевелил губами молитву. Женщины расселись вокруг гроба и оплакивали ушедшего речами и песнями, каждая из которых завершалась таким громким воплем, что даже вековые камни проливали слёзы. Несчастливая Србуи распустила свои седые

волосы, теребила их с горя и посыпала голову золой. Её лицо покрылось трещинами морщин, глаза впали – всего за один день она превратилась в семидесятилетнюю старуху с мутными бессмысленными глазами, словно кто-то украл её годы.

Спустя три дня после смерти, когда солнце перевалило за полдень, дом Петросянов вновь наполнился родственниками. Сильные мужчины трижды оборачивали гроб с телом вокруг оси и трижды ударяли им о закрытую дверь дома, чтобы апостол Пётр услышал этот стук и открыл врата небесные ушедшей душе. А после, не оглядываясь назад, понесли умершего отпевать в церковь. Недавно прошёл дождь, и мокрая трава вбирала в себя отпечатки грубых мужских башмаков. Тигран первым бросил горсть земли в глубокую могилу, отдавая последнюю дань отцу. За ним то же самое делали и остальные со словами: «Доброго пути тебе, варпет джан, передавай привет нашим покойникам». Потом подходили к Тиграну ижимали ему руки в знак скорби и утешения. На поминальном обеде подавали хашламу и куркут. Пили водку за упокой души умершего, за его «светлый путь», за то, чтобы он «в том мире» заботился об оставшихся на земле родных. Желали, чтобы за добро Мушега Бог его сыну и внукам счастья дал да жизнь их продлил, чтобы род не прекратился, а только множился. Парил над дворами голос дудука. Так умел играть только Мушег. Но это был не Мушег. Тигран занял место отца. А как он играл! Плакал и плакал его дудук. Рвал душу, воскрешая в памяти дорогие образы отца, детей, друзей – всех близких, кто покинул этот мир и ушёл в мир иной для вечного упокоения.

Србуи умерла, когда у подножия гор начали таять многометровые серые ледники, а в расщелинах каменистых гор из-под снега появились первые цветы: и трёх месяцев после смерти Мушега не выдержало разбитое разлукой сердце. Её, возлежащую в гробу с величественно строгим лицом и зачёсанными наверх седыми волосами, погребли рядом с мужем. Спустя год на том месте появился резной хачкар из розового туфа с крестом – символом распятия Христа, окаймлённый кружевными узорами. А под хачкаром был высечен дудук...

* * *

Пятнадцать лет после замужества Анаит пролетели как один день. Погрузившись в темноту, город Муш спал тревожным сном: обострённый слух его жителей ловил каждый шо-

рох. Полный месяц сиял на чистом небе и струил белый свет на окрестные горы. Нежно мерцали побледневшие звёзды в предчувствии близкого дня. Но едва только первые блики солнца растворили ночную мглу и отбросили голубой туман с прохладных каменных гор, Анаит, одетая в чёрный тараз, со скорбью в сердце поспешила к своим делам. После гибели мужа воспитание детей и груз забот легли на её плечи. Ничто в то утро не предвещало начала Великого Злодеяния. Врытый в землю глиняный тонира её дома разгорался всё сильнее, расплавленный «чехом» – старой виноградной лозой, высушенной солнцем. Женщина перебрала и промыла дзавар²⁸ из круглозернистой пшеницы. Толстодонный котёл с домашней курицей уже давно бурлил, клокотал. Она отделила курицу от костей и кожи. Мякоть разобрала на волокна, добавила в дзавар и влила процеженного бульону. Разок прошлась веником вокруг тонира, навела чистоту. Затем быстро просеяла муку и замесила тесто на тёплой воде и солёных слезах, добавив в него остаток кислого теста от предыдущей выпечки, разделила его на кусочки и из каждого скалкой раскатала тонкие лаваша. Натянула их проворными руками на «тап» – специальную овальную «подушку», приклеила к стенкам раскалённого тонира, закрыла крышку и стала читать «Хайр Мэр»: к концу молитвы на лепёшках обязательно появятся золотисто-жёлтые корочки. Пора! Анаит сняла крышку с печи и услышала привычный лёгкий вздох: это жар выходит, тонира дышит всё чаще, даже обиженно, он не хочет тратить свой пыл попусту. Вытащила лепёшки железным прутом с острым загнутым концом и помянула мужа. Тигран всегда говорил, что «лаваша её светится золотом. Отломишь кусочек, вдохнёшь запах и понимаешь, что именно так пахнет рай!»

Сердце у Тиграна, царство ему небесное, было столь доброе, что он понапрасну не убил бы птицы, не задавил бы и муравья, но жизнь в Тароне стала невыносимой. Турки день и ночь притесняли армянское население Муша, за людей не считали, заставляя платить огромные налоги, а когда нападали на армян, либо грабили их дома, то преступление всегда оставалось безнаказанным: кому больше поверят в турецком суде: правоверному мусульманину или грязно-

²⁸ *Дзавар* – крупа, полученная из сначала недолго отваренных, а затем высушенных и очищенных от оболочки зёрен пшеницы.

му гяуру²⁹? Ни один армянин, ложась спать, не знал, встанет ли он живым поутру. Сеял он хлеб и не знал, достанется ли ему урожай. Он больше не хозяин в своём доме, в саду, на пашне. И когда этому придёт конец? Тиграну ничего не оставалось делать. «Господь даровал нам жизнь, значит, он имел в виду, что мы будем её защищать. Я родился здесь, здесь и умру! Отныне наш Бог – оружие!», – сказал он и записался в фидаи³⁰, чтобы встать грудью на защиту родной земли. Взявшись за шашку или кремневое ружьё, в числе сорока других фидаинов бравого Зоравара Андраника, он защищал монастырь Сурб Аракелоц от шеститысячного турецкого войска. Тогда, в течение двадцати пяти дней, армянский отряд успешно отбивал атаки на святыню. Османские войска потеряли убитыми более тысячи аскеров³¹, однако Андраник сумел вывести своих соратников из монастыря, потеряв лишь трёх человек.

Бесстрашие и храбрость Тиграна изумляли всех, даже Андраника. Он первым шёл против врага, а силища у него была такая, что он хватал взрослого аскера за пояс и подымал, как цыплёнка, выше головы. Казалось, ни пуля турецкая его не достанет, ни штык, ни сабля... Но через несколько лет верной службы, в одном страшном бою в Сасуне, до безумия храбрый Мшеци-Тигран³² – как его называл Андраник – был настигнут адскими всадниками османского султана, несущими смерть гяурам под зелёным знаменем пророка. Сражаясь не на жизнь, а на смерть, он был ранен в грудь изогнутым клинком турецкого ятагана. Единственное, о чём успел он попросить склонившегося над ним Андраника – это позаботиться о его семье. А ведь его благородное тело не было предназначено для того, чтобы истечь кровью на поле боя. Эту кровь, унаследованную от отцов и дедов, ему надлежало передавать из рода в род. Хотя для Анаит Тигран и сейчас жив, потому что у Бога нет мёртвых. Но сердце у неё всё равно болит.

– Отнесу первый лаваш Джамиле-ханым³³, – решила она, отогнав изнывающие душу воспоминания и вернувшись

²⁹ *Гяур* – презрительное название немусульман у турок.

³⁰ *Фидаи, фидаины* (араб.) – участники национально-освободительных движений.

³¹ *Аскер* (тур.) – солдат.

³² *Мшеци, то есть из города Муш.*

³³ *Ханум или ханым* (тюрк. яз.) – госпожа, красotka; присоединяется к женским именам, придавая оттенок уважения.

к делу. – Приболела она. А первый лаваш всегда относят больному человеку, чтобы насытился и выздоровел. Какая разница, христианин он или нет...

Закончив потеть над тониром, женщина попробовала ароматную арису, тягучую и густую, уже час томившуюся на тихом огне, вымесила её как следует, взбивая ложкой, бросила внутрь добрый кусок сливочного масла и щепоть соли и, наконец, присела в ожидании, пока проснутся дети.

Марьям и Арменак окончили в Муше церковно-приходскую школу, где священник обучал их армянской грамоте, счёту, истории и Закону Божию. У Марьям обнаружилась большая тяга к знаниям, потому она и пошла в гимназию, хочет стать учительницей. Вот и правильно – учёный народ не голодает. А младший её – Арменак – вылитый Тигран! Все соседи им любят, хвалят его и благословляют. А сердце у него какое! – если с кем-нибудь случается беда, он забывает самого себя, всегда спешит прийти на помощь. Кусок изо рта вынимает и отдаёт другому. Многие отцы и матери завидуют ей, видя такого доброго сына. А когда берёт он в руки голосистый отцовский дудук, в тот же миг все камни земли, все деревья, цветы – всё начинает дышать, говорить, распускаться.

Прошу тебя, Аствац джан, убереги детей от беды. Турки вновь бесчинствуют, поджигают армянские дома, а хозяев, вместе с несчастными жёнами и детьми, гонят с родных мест, грозя им шашкой и ружьём. Самых красивых юношей и девушек продают на невольничьих рынках Константинополя. Говорит людская молва, будто даже приказ есть о том, что всякий, кто на земле османов произнесёт имя Иисуса Христа, не должен оставаться в живых. Ещё накануне по городу слух пошёл, что и в Муш скоро войдёт турецкая армия, что нельзя здесь оставаться и рисковать жизнью, надо бежать отсюда. Но куда она побежит? Нет! Лучше отважно погибнуть, забрав с собой несколько жизней врагов, чем позволить им топтать могилы, где покоятся кости предков! Пусть и её здесь похоронят... Лишь бы дети остались целы и невредимы... Потом она покрыла голову платком, зажгла свечу, положила перед собой «Нарек»³⁴ и, опустившись на колени перед иконой, шёпотом вознесла молитву:

³⁴ «Нарек» – «Книга скорбных песнопений» Григора Нарекаци.

«Пред Тобой преклоняюсь, Пресвятая Богородица, Тебе молюсь, Пречистая Дева, замолви слово и помолись за моих детей Сыну Твоему Единородному, чтоб спас их от врагов и избавил от грозящих бед. Аминь.»

Много хлеба напекла, подумала она, вставая с колен. Большую часть лепёшек отправлю мужчинам, чтобы, защищая родину, были они сильными и стойкими, что-то раздам соседям, а оставшуюся часть подсушу, сложу в стопки по десять листов, укрою хорошенько полотенцем и сохраню в тёмном погребе. Взяв несколько горячих лепёшек, она завернула в них солёный панир с зеленью, оставив один край открытым. Её дети так любят бртуч³⁵...

Всё услышанное и увиденное за последние месяцы заставляло её быть крайне осторожной и ожидать только худшего. Нехорошие предчувствия теснили грудь. Этой ночью приснился ей страшный сон. Снилось ей, будто стоит она с детьми в поле. Внезапно небеса пролились огненным дождём, канули в небытие луна и звёзды, реки потекли кровью, и шагали мёртвые. Она пыталась спасти детей, но между нею и детьми с ужасным шумом разверзлась земля и выплеснула бурлящую лаву. Стоя на краю пропасти в изорванном платье, с распущенными волосами, она громко кричала и плакала, но вдруг услышала пение дудука и ясный голос Тиграна, который говорил «Не держи их, пусть идут». И звал её, звал к себе...

Она взяла два больших дорожных хурджина, в один положила холщовый мешочек с оставшейся мукой, немного риса, сахар, соль, сушёные абрикосы, другой наполнила кое-какой одеждой да пожитками. Сбоку положила церковные свечи, дудук Тиграна и горсть земли с могил предков. Всё это для Марьям и Андраника, если им всё-таки придётся пуститься в нелёгкий путь, чтобы выжить. А золото и семейные ценности, сложив их в глиняный горшок, она на всякий случай закопала во дворе, глубоко под корнями дикого абрикоса.

* * *

Когда из ущелий выполз густой туман, закрыв собой ложбины, подоспел небольшой конный отряд из людей Андраника, вооружённых кто маузером, кто саблей, кто ружьём. Их взору

³⁵ Бртуч (арм.) – блюдо армянской кухни, состоящее из тонколистового лаваша с завернутой в него начинкой.

предстала страшная картина: весь Муш был как на ладони, охваченный пожарищами, клубящийся дым которых застилал небо. Подняв бинокль, молодой командир отряда стал рассматривать улицы: ни человека, ни собаки. Успели ли жители покинуть город до прихода турок? Воины хорошо ориентировались в этих местах, знали каждый камень, каждый куст. У поворота извилистой дороги придержали разгоряченных коней. Караульный пост у столба был пуст. Полные тревоги, они двинулись дальше по улицам, мимо густых деревьев, глиняных заборов, мимо больших и маленьких глхатунов, сложенных из базальта и туфа. От многих остались лишь каменные обломки и похороненные под ними почерневшие тела. Там, где раньше всегда слышался весёлый смех, теперь царили мгла и безмолвие. Многие ворота распахнуты, будто через них только-только телега проезжала или всадник проскакал. Внутри домов царил хаос – здесь после погромов и резни уже бесчинствовали мародёры: стены, некогда покрытые дорогими коврами, были оголены, мебели не было, под ногами скрежетали осколки кувшинов, глиняной посуды. В некоторых местах дощатый пол был разворочен, стены пробиты – очевидно, аскеры искали клады с золотом и деньгами.

Ярость охватила командира, лицо передёрнула судорога, рука сама потянулась к маузеру. Он отчётливо представил себе, как турецкие полки своей артиллерией преодолели героическую самооборону Муша. Подобно жаждущим крови хищникам, аскеры, рота за ротой, с сопровождавшими их курдскими отрядами, ворвались в город, чтобы изгнать несчастный народ – с мест, где они родились и куда никогда не вернуться, в ад безводных пустынь. Мушцы бились насмерть, используя для отпора врагу лопаты, ножи, топоры и мотыги. Но силы были неравны и исход боя был явно предрешён, аскеры рубили всех, кто попадался им под руку. Они ловили и связывали между собой сильных мужчин, превращая их в нескончаемую плотную колонну. Другие жители Муша, безропотно принимая свой жребий, собирали остатки сил, и, оставив свои дома, взваливали на спину драгоценную ношу: сын тащил на себе больного отца или мать, зять – тестя либо тёщу, и так шли, решив, что лучше самим умереть, чем их бросить. Люди шли из последних сил. Даже лошадь единственной телеги, на которой были сложены вещи жандармов, пала. Чтобы не впрягать коней, на которых они ехали, конвоиры выбрали несколько

женщин и впрягли вместо лошадей. В курдском селе жандармы отобрали из колонны крепких подростков и выставили их на продажу. Во что ты, Господи, превратил мой народ! Весь мир был против него!

Сотни тысяч этих пленников вскоре погибнут от голода, холода, цинги и страшного тифа... Площадь в центре Муша превратилась в Голгофу: те, кто пытался воспротивиться конвоирам, были, как Спаситель, распяты на кресте. Чьи-то отсечённые шашкой головы торчали на древках, старики и старухи были сожжены заживо.

Церковь стала последним прибежищем для охваченных ужасом женщин, детей, стариков, увечных и простых мирных жителей, последним бастионом, в котором они укрылись в тот момент, когда все твердыни Муша уже пали под натиском врага. Мужчины изнутри укрепляли двери храма, обезумевшие женщины, прижав к груди своих малышей, молили священников о предсмертном причастии... и, подобно первым христианам, обращались к Господу в скорбных песнопениях, предвкушая близость мученической смерти. Турецкая конница вышибла входную дверь собора, и стая демонов с криками вломилась в храм, бешено набросившись на толпу, не разбирая где стар, где млад. Ружейными прикладами они притиснули несчастных к стене, варварски топтали ногами кресты и евангелия, сдирали с людей одежду, золотые кольца, ожерелья, срывали вышитые шёлком таразы и парчовые архалуки, и били кулаками, и пинали под рёбра. Напрасно старый епископ взывал к иноверцам, прося остановиться: его голос утонул в чудовищном гвалте, и вместе с братьями святой отец был обезглавлен, став одной из многочисленных жертв этой зверской расправы. В плену слепой, остервенелой ярости аскеры не жалели ни женщин, ни детей. Прежде чем перерезать им горло, обезвредили несчастных женщин, погубили их душу. Одну молодую женщину раздели и привязали к кресту вверх ногами, а под крестом оставили её плачущего грудного младенца. Других, схватив за волосы и подталкивая ружейным дулом, босыми уволокли, отдали на забаву турецким солдатам, кого забили камнями, в кого вместе с детьми согнали к реке, и, разрубив на куски, сбросили с мостов в беспмятную воду бурлящей Арацани. Стоял такой вой и крик, какого никто не слышал от сотворения мира. Разом лаяли все собаки во дворах. Кар-

кали все вороны на деревьях. Перепуганные голуби мигом исчезли, улетели прятаться за высокими горами. И только стервятники сидели на утёсах, расслабленно прогнув голые шеи, и невозмутимо наблюдали за происходящим внизу из-под полуприкрытых плёнчатых век. Казалось, ад разверзся, солнце вот-вот рухнет на землю... Но земля, с закрытыми устами, молча внимала! И небо, с открытыми глазами, спокойно смотрело, не содрогнулось в ужасе, не упало на землю, обagrённую кровью невинных!

От дома Тиграна остались одни стены да пепелище, посреди которого одиноко замер тонир. Он навеки погас, оставив вместо себя пустоту. Некому больше его разжигать. Некому печь в нём душистый хлеб и петь дивные песни.

– Город пуст, – произнёс командир негромко, будто говорил сам с собой. – Неужели все погибли? Что нам сказать Андранику, когда он спросит, позаботились ли мы о семье Мшеци-Тиграна, уберегли ли их, защитили ли ценой собственной жизни от всех опасностей?

Неподалёку стоял нетронутый пожарищем дом под железной крышей, в отличие от прочих домов и хижин с черепичными или даже земляными крышами. Густой сад и дом обнесены забором, сквозь щели которого был виден в окнах свет. Командир спешил и, подойдя к дому, постучал в дверь. Долго никто не открывал. Наконец на пороге появилась женщина, с изборождённым морщинами лицом, вся завернутая в чёрное покрывало.

– Селам Алейкум, – произнесла она мягким голосом, подозрительно оглядывая незнакомца.

Лицо командира исказилось: турчанка?

– Кто вы? Армяне? Что вам надо?

– Мы ищем женщину по имени Анаит, вдову Тиграна. И их детей – дочь и сына. Вон там стоял их дом. Вы не знаете, где они? Что с ними?

– Зачем вы их ищете? – спросила она, опасливо косясь на кобуру с маузером.

– Нам важно их найти, – упрямо ответил командир. – Их отец был нашим большим другом...

– Ах, какое большое несчастье, какое несчастье! – запричитала старая женщина. – За что это бедным людям? Ох, чёрный день!

– Где они? – командир подался вперед. – Ну же, говорите правду, не бойтесь!

– Живы дети, слышите, живы, – тихо прошептала она, приложив палец к губам. – Бог миловал. Я спрятала их. В нашем доме их никто искать бы не стал, но я всё равно велела им тихо сидеть в подвале и носа оттуда не высовывать... И хурджины их с ними, мать собирала в дорогу...

– А где она сама?

– О-ох, горе мне, горе! Не сберегла я Анаит, не успела, – положив руку на сердце, ответила женщина и слёзы покатились по её лицу. – Никогда не будет мне покоя! Сердце кровью обливается. Такая была добрая женщина. Наверно, угнали её турки вместе с другими армянами, – она указала рукой в сторону выжженных солнцем сирийских пустынь.

Повисла тишина, которую нарушал лишь негромкий храп лошадей. Растерянно молчала старая турчанка. Как скала, уперевшись взглядом в землю, стоял перед ней дюжий командир с едва пробивающимися бородой и усами.

– Вы рисковали собственной жизнью, укрывая этих детей в своём доме...

Она заметила в глазах армянина искру благодарности.

– А как по-другому! Они выросли на моих глазах... Куда вы хотите их увезти?

– Мы пойдём в Ехегнадзор, а оттуда в Тифлис. Там, за семью горами, сестра моя родная за хорошим человеком замужем, там есть где жить...

– Не допустите, чтобы с ними что-то случилось, прошу вас. У меня долг перед их матерью...

Поодаль ржали осёдланные кони, нетерпеливо ударяя копытами в землю. Турчанка опять заплакала и не могла больше говорить. В горькие минуты последнего прощания она крепко прижимала к груди растерянных Марьям и Арменака, ласково гладила их по волосам и говорила дрожащим голосом:

– Дети мои, я знаю, нельзя смириться и простить того, что сделали с вами эти слуги шайтана, да покарает их небо! Но живите, прошу вас, и пусть будет счастье вам и вашим детям! Да сохранит вас Всевышний от всяких напастей!

И подняла руку, словно благословляя их.

Не останавливая коней, отряд уходил всё дальше и дальше от этих мест, мимо груд мёртвых тел на обочинах ухаби-стых дорог, над которыми кружились большие стаи коршунов,

мимо армянского кладбища и разрушенных церквей, окружённых обломками древних хачкаров и могильных камней, с которых ветры и ливни ещё долго не сотрут надписи на армянском языке. Как заклинания, всю дорогу Марьям шептала младшему брату слова «морацир», «морацир»³⁶. Но забыть это всё невозможно. И сердца всадников сжимались от тоски, рвались на части, хотелось плакать, но глаза оставались сухими: они точно искали, ловили повсюду очертания дорогих образов. Из темнеющего ущелья ползли туманы, они тянулись к долине, и, прощаясь, хотели со стоном обвиться вокруг шеи отцов и матерей, жён и детей. А с трёх сторон на людей виновато взирали горы и два уцелевших на высоком выступе тополя, как молчаливые свидетели Великого Злодеяния.

* * *

То апрельское утро скользило по Тбилиси блуждающим лучом, задевая купола церкви. Старый вагончик фуникулера старательно карабкался к вершине Святой Горы, оттуда дул тёплый ветер, открывший цветы абрикосов и распутивший вербу. Зелёные сады вдоль тенистой старинной улочки залились бело-розовой пеной цветения, наполнились писком, свистом и чириканьем. Долгожданный запах весны пришёл в каждый дом вместе с нарциссами, тюльпанами, мимозами и хрущёвской оттепелью.

Внезапно раздался стук в дверь, оторвавший Геворка от изумительного великолепия красок, которые он созерцал из окна своей квартиры в Сололаки³⁷. На площадке стоял почтальон, который принёс ему бандероль, оттиснутую чернильным штемпелем и хранившую следы вмешательства бдительной цензуры всесильного ведомства. Вскрыв пакет, Геворк извлёк оттуда письмо. В нём некая «Инюрколлегия»³⁸ сообщала о том, что его «разыскивает дядя, гражданин Франции Арман Парсеваль, он же Арменак Петросян». Что? От неожиданности Геворк вздрогнул и сел в кресло, и несколько минут молчал. Значит, брат его матери, Марьям, жив! Как жаль, что она не дожидала до этого дня, как бы она сейчас была счастлива! Потом он открыл глаза и снова взял в руки письмо. Ниже,

³⁶ «Морацир» (арм.) – забудь!

³⁷ Сололаки (груз.) – исторический район в самом центре г. Тбилиси.

³⁸ Инюрколлегия (Иностранная юридическая коллегия) – организация, практикующая в области международного частного права. Основана в Москве в 1937 году.

в виде короткой справки, говорилось, что в одном из сражений с фашистскими захватчиками дядя был контужен и взят в плен, откуда попал в концлагерь Меппен в Западной Германии. А в июне 1943 года был переправлен во французский Бордо на строительство базы подводного флота. Там несколькими военнопленным удалось связаться с подпольной организацией французской компартии, которая подготовила для них побег. В результате Арменак присоединился к группе Движения Сопротивления армянского антифашиста Мисака Манушяна, освобождая города Франции от коричневой чумы...

Геворк почувствовал, как к горлу подступил ком. Теперь он понимал, почему после войны дядя остался жить во Франции и никак не давал о себе знать: были времена, когда советских военнопленных, бежавших из нацистских лагерей, по возвращении домой могли отправить в лагеря как изменников Родины. Да и самим фактом написания и отправки подобных писем он подвергал риску своих близких.

В бандероли помимо письма лежала трубочка. Это был настоящий армянский дудук. Дудук его деда Тиграна. Мягко, почти благоговейно, прикоснувшись к его поверхности, покрытой маслом грецкого ореха, он ощутил тепло абрикосового дерева. И, не сдержавшись, касанием губ начал наигрывать Комитаса³⁹. Он не вспоминал этот музыкальный отрывок более десяти лет. Пленительные звуки, исходящие из дудука, напоминали человеческий голос и были наполнены чистой седых вершин Арарата. Звонкие, похожие на печальную молитву, они проникали в те глубины его души, где хранились горькие воспоминания матери. И он заплакал, впервые за много лет. А звуки дудука, как жалобные крики журавлей, улетали всё дальше и дальше – сквозь туманную мглу – в тот дивный мир за семью горами, которого больше нет, славя бессмертие умерших и стряхивая пыль забвения со священных камней давно остывших руин...

г. Тбилиси, Грузия

³⁹ *Комитас* – армянский композитор, музыковед, фольклорист, певец, хоровой дирижёр, священнослужитель Армянской церкви (вардапет).